

Валентина БАЗАРОВА

О ПРОБЛЕМАХ КОРЕНИЗАЦИИ В НАЦИОНАЛЬНЫХ АВТОНОМИЯХ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В 1920-х–1930-х гг.

В статье описаны некоторые практические мероприятия по осуществлению в 1920-х–1930-х гг. коренизации аппарата, использованию родного языка в деятельности советских и партийных органов власти. Показаны последствия этой политики в автономных областях и республиках.

The article describes some practical measures in the 1920s–1930s on implementation of indigenization of apparatus, on using native language in the activities of Soviet and party authorities. Consequences of this policy for autonomous regions and republics are showed.

Ключевые слова:

национальная автономия, государственная национальная политика, коренизация аппарата, национальная культура; national autonomy, state national policy, indigenization of apparatus, national culture.

Работа XII съезда РКП(б) (17–25 апреля 1923 г., г. Москва) проходила в изменившихся исторических условиях: произошло юридическое оформление СССР. В повестку дня съезда был включен национальный вопрос, от решения которого зависела национальная политика партии в целом.

В докладе И.В. Сталина «Национальные моменты в партийном и государственном строительстве» были изложены основные направления национальной политики РКП(б) в вопросах, касающихся взаимоотношений республик и центральных органов, деятельности наркоматов и контроля за их работой, развития национальных культур и обеспечения их роста. Были четко сформулированы задачи тактического плана, в т.ч. проблема кадровой политики на местах. На съезде партии осудили два существовавших среди местных партийных и советских работников уклона: национализм великорусский и национализм местных работников из «числа ранее угнетавшихся народностей». На съезде, в частности, впервые зашел разговор о тенденции превращения местного «оборонительного национализма в национализм наступательный более сильной национальности против более слабых» в автономных образованиях¹. Не стало откровением и признание «отсутствия полного доверия ранее угнетенных народов к мероприятиям» новой власти как «мероприятиям, идущим от русских». Такой стереотип был наследием политики царского режима. Чтобы этого не происходило, советская власть должна была стать для инонационального населения «столь же родной, как и для русского». Поэтому органы местной власти должны были функционировать на «местных» языках и строиться из людей «местных». «Только тогда, — заявил в своей речи И.В. Сталин, — и только постольку Советская власть, до последнего времени являющаяся властью русской, станет властью не только русской, но и международнонациональной...»²

Таким образом, с 1923 г. важнейшей задачей партии в национальном вопросе становится «коренизация аппарата» и внедрение в делопроизводство местных языков. Съезд наметил:

— «органы национальных республик и областей строить по преи-

БАЗАРОВА
Валентина
Владимировна —
д.и.н., ведущий
научный сотрудник
Института
монголоведения,
буддологии и
тибетологии
СО РАН
bazarov_science@
mail.ru

¹ XII съезд РКП(б) Стенографический отчет. — М., 1968, с. 694–695.

² Там же, с. 482.

мушеству из людей местных, знающих язык, быт, нравы... соответствующих народов»;

– вводить родной язык «законодательно во всех государственных органах и учреждениях, обслуживающих местное инонациональное население и национальные меньшинства»¹.

Практические мероприятия по проведению в жизнь резолюций XII съезда партии по национальному вопросу были обсуждены на IV совещании ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей, состоявшемся с 9 по 12 июня 1923 г. в Москве. На совещании присутствовали 58 делегатов от всех национальных республик и областей, кроме Хивы. Характерно, что представлявший Бурят-Монголию М. Ербанов в своем выступлении сказал, что такие важные вопросы национальной политики должны были быть обсуждены еще в 1918–1919 гг., а не тогда, когда уже проведено строительство автономных областей и республик².

Курс на форсированную коренизацию был подтвержден резолюцией совещания. Также в резолюции была подчеркнута необходимость «идейного единства» партии. Если партийные организации на местах должны были считаться не только с национальными, но даже и с националистическими настроениями в автономиях, захватившими широкие массы населения, то сама партийная организация, как говорилось в резолюции, «не должна допустить, чтобы какая-либо часть ее растворялась в этих настроениях»³. На совещании подчеркивалась классовая сущность политики коренизации, необходимость выращивания «из пролетарских и полупролетарских элементов местного населения молодых коммунистических организаций национальных республик и областей», сплочения их в подлинно интернационалистические коммунистические кадры.

Однако резолюции XII съезда РКП(б) и решения IV совещания о продолжении

коренизации аппарата и использовании родного языка в деятельности советских и партийных органов власти неожиданно для центра привели к всплеску националистических настроений в автономных областях и республиках. Реальная возможность скомплектовать органы власти «из людей местных, знающих быт и особенности» региона, одновременно внедряя язык титульной национальности в работу государственных учреждений, была использована «националами» на местах для вытеснения русских и представителей других национальностей из советского и партийного аппаратов. Следует отметить, что рост национализма наблюдался не только среди работников-националов руководящих органов власти, но и среди населения. Другими словами, коренизацию органов власти на местах восприняли как курс на удаление из аппарата национальных автономий лиц русской и других национальностей и предоставление всех руководящих постов представителям титульной нации независимо от их социального происхождения и степени подготовленности.

Ценные наблюдения по поводу проведения коренизации государственного аппарата можно получить, анализируя обычные анкеты, которые заполнялись при приеме на работу в государственные и общественные учреждения⁴. С 1924 г. в анкетах исчезают характеристики с прежнего места работы, которые обычно дают представление о деловых качествах работника. Зато в них стали чаще повторяться такие пункты как национальность, образование, партийность. Это подтверждает вывод о том, что в целях «национализации» государственного аппарата и перевода делопроизводства на местные языки предпочтение при приеме на работу в государственные и общественные организации отдавалось лицам «титульной» национальности. Деловые качества работников при этом вообще не брались во внимание или же играли второстепенную роль.

Как следствие, ухудшилось и качество работы аппарата. Это хорошо осознавали руководители партии и государства. Так, на заседании секции XII съезда РКП(б)

¹ Там же, с. 696.

² Тайны национальной политики ЦК РКП. Стенографический отчет секретного IV совещания с ответственными работниками национальных республик и областей 9–12 июня 1923 г. – М., 1992, с. 31.

³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., 1984, т. 3, с. 132.

⁴ Ситдикова Л. А. Коренизация государственного аппарата в Удмуртии как один из путей решения национального вопроса // Национальное строительство в Удмуртии в 1917–1937 гг. – Ижевск, 1991, с. 93.

по национальному вопросу А.И. Микоян говорил: «Нам придется в автономных областях при выборах на ответственные должности давать предпочтение туземцам, если даже они качеством во много раз ниже русских»¹. При этом А.И. Микоян еще раз призвал «не особенно строго считаться с партийностью, а привлекать беспартийных туземцев к ответственной работе шире, чем это делаем в русских губерниях».

Само собой, такое отношение не заставило долго ждать реакции русских работников, которые при проведении коренизации аппарата оказались как бы «лишними» в автономиях. Лишение государственных постов для русских было не только понижением их социального статуса, речь шла и об ухудшении их материального положения. Бывший заместитель Наркомфина Бурят-Монгольской АССР И. Лавров вспоминает: «Приказы правительства о замене русских служащих бурятами привели к тому, что 90–95% бывших русских работников на протяжении довольно короткого срока были выкинуты из учреждений и остались без куска хлеба»².

В Постановлении Президиума ВЦИК от 14 апреля 1924 г. признавалось необходимым приступить к постепенному переводу делопроизводства во всех органах власти, находящихся на территории автономных единиц, на соответствующие местные языки. В качестве особого условия указывалось, что переход делопроизводства на местные языки не должен осложнять работу центральных органов РСФСР, сношение с которыми должно производиться на русском языке³.

В Бурят-Монгольской АССР, согласно переписи населения 1926 г., ее численный и национальный состав представлялся следующим образом: русские – 289 452 (55,2%), буряты – 215 926 (41,2%), прочие – 18 724 (3,6%) чел.⁴ К работе по национализации аппарата и внедрению бурятского языка правительство республики приступило в начале 1924 г. Контроль за темпами коренизации осуществляла специально

учрежденная правительством комиссия, которая была наделена весьма широкими полномочиями. В течение всего следующего года работа в заданном направлении продолжалась. Однако в комплектовании государственного аппарата национальными кадрами дело обстояло хуже некуда, поскольку подготовленных профессиональных работников из числа местного населения просто не было. Поэтому в 1926 г. был заново разработан план «коренизации» аппарата, теперь уже рассчитанный на 3 года – 1927, 1928 и 1929 гг. В нем намечалось довести представительство бурят в республиканских учреждениях до 37,7%. На деле же в 1926 г. в этих учреждениях работало всего лишь 7,8% бурят, в 1927 г. – 10,3%. В аймачных и низовых советских и кооперативных органах намечалось довести численность бурят до 33%. Фактически их число в 1926 г. составляло 22,8%, а в 1927 г. – 27,5%⁵.

В следующем году план еще раз переработали, и он теперь был рассчитан уже на 2 года – 1928 и 1929. Итоги проверок показали неутешительные результаты. На производстве подготовка национальных кадров практически не проводилась, а если что-то и делалось, то от случая к случаю, стихийно или вообще пускалось на самотек. В расчет не принималось то обстоятельство, что буряты веками в силу этнически сложившейся традиции жили в степи, занимались скотоводством и не могли в кратчайшие сроки овладеть навыками профессий на производственных предприятиях. Для этого требовалось и время, и опытные наставники. Вновь принятые работники-националы испытывали на себе, мягко говоря, неприязненное отношение, которое сопровождалось грубостью, хамством, оскорблением на национальной почве. Подобные случаи были подробно изложены в материалах проверок комиссии Буробкома, констатировавших, что на таких предприятиях города, как Бурстройтрест, Горречфлот, Стеклострой, кирпичный завод, электростанция, Механлит, предприятия ЦРК, лесзавод, зачастую «наблюдались случаи шовинизма и национализма»⁶. Гостипография была единственным предприятием, на котором успешно обстояло

¹ Известия ЦК КПСС, 1991, № 4, с. 160.

² Национальная политика России: история и современность. – М., 1997, с. 301.

³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп. 112, д. 535, л. 41.

⁴ Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ), ф. 475, оп. 1, д. 379, л. 2.

⁵ История Бурятской АССР.– Улан-Удэ, 1959, т. 2, с. 220.

⁶ ГАРБ, ф. 1-П, оп. 1, д. 1773, л. 48–59.

дело с подготовкой национальных кадров. Работникам-националам здесь оказывали помощь опытные рабочие, 5 инструкторов справлялись с этой работой¹. Выводы комиссии, в которых было указано на отсутствие «реальных мероприятий по вовлечению бурят в производство, по выдвижению их на административно-хозяйственные должности, по устранению нездоровой обстановки в коллективах, связанной с националистическими настроениями»², могли служить приговором для руководителей тех предприятий, где были обнаружены такие недостатки, ведь зачастую их обвиняли в «недооценке политического значения выковки национального пролетариата».

Стало понятно, что коренизация аппарата — это проблема не только количественная, но и качественная. Искусственное форсирование темпов коренизации приводило лишь к количественному росту числа националов в аппарате, и они в силу своей неопытности и неподготовленности зачастую не справлялись с профессиональными обязанностями. В конце 1920-х гг. к теме коренизации все реже привлекается общественное внимание, а с конца 1930-х гг. разговоры о целенаправленной работе по коренизации вовсе затихают. Националистические настрое-

ния в автономиях (как среди национальных элит, так и среди населения), невыполнение плана по коренизации аппарата на местах, сопутствующие нарушения и неточность исполнения партийных постановлений местными властями, «непонимание исторического момента» создания национального пролетариата и кадров — возможно, именно эти обстоятельства привели фактически к срыву этого сложного этапа национальной политики, призванной укрепить государственную власть на местах.

И все же коренизация к концу 20-х гг. в той или иной мере выполнила задачи, поставленные перед ней центром. С одной стороны, коренизация, тесно связанная с культурной революцией, бесспорно, приблизила партийный аппарат к населению. Тем самым она сблизила советскую власть с основной массой инационального населения. С другой стороны, реализация на практике, в масштабе всей страны такого важного политического процесса, как коренизация аппарата, способствовала появлению национальных кадров во всех автономиях. На самом деле политика коренизации и была направлена на то, чтобы сформировать такой состав национальных кадров партийного и советского аппаратов, который мог бы стать активным проводником политики советской власти на местах.

¹ Там же, л. 54.

² Там же, л. 53.